

Неизвестного всегда больше, чем известного; предположений больше, чем достоверностей, и сокрытого больше, чем очевидного.

*Абу Хайан ат-Таухиди.
Вопросы и ответы*

I. Исчезнувший попутчик

Первый день нового года выдался ненастным. Небо затянуло тучами, а из-за реки, из степи, на Сарай Богохранимый налетел порывистый ветер. Отшумело лето. Скоро облетят деревья, надвинутся от полуночи холодные ветра, принесут снег и стужу. Уже утихли роскошные летние базары, ушли в степь последние караваны, опустели пристани.

Южная пристань, которую в Сарае называли Красной, обезлюдела уже давно: корабельщики торопились уйти до наступления осенних штормов в Бакинском море. С северной Булгарской большая часть судов отчалила еще раньше — им нужно успеть добраться в верховья до того, как реки скует льдом. Там, за дремучими страшными лесами, на дальней украине великой державы славного хана Узбека, уже, наверное, ударили первые ночные заморозки. Опоздавшие теперь смогут успеть доплыть по реке разве что до Укека.

В прежние годы уже почти никто не отчаливал в эту пору с Булгарской пристани.

Много перемен принес с собой наступивший 734 год от Хиджры — переселения пророка в Медину.

Еще летом из ставки хана пришло известие, что Узбек не будет, как обычно, зимовать в Сараях, а отправится жить в новый дворец, который для него уже целый год возводят выше по реке, за несколько дней пути отсюда. Знающие люди поговаривают, что на это подбили повелителя франки, которые в последнее время так и вьются, как мухи, у его золотого престола. Благо им до него рукой подать — от их новых крепостей в Матреге и Тане до летних кочевий ханского двора всего день пути.

Народ, толковавший все лето об этой новости на сарайских базарах, чаще сходил на мысли, что добра от такого переезда даже больше, чем худа. Конечно, зимой будет немного скучней, зато тише. Без ханского двора с его вельможами, эмирами, слугами, стражами гораздо спокойней. А старые караванные пути, как и раньше, не минуют славный Сарай. Не перенесешь царским указом Бакинское море, древние, словно само вечное небо, дороги в Хорезм и Крым. Тысячелетний путь, соединяющий столицу верховного хана Ханбалык у самого восхода с золотым Константинополем и вечерними странами.

Значит, снова следующим летом сойдутся на многоголосых сарайских базарах купцы и путники со всего света. Не переведутся в амбарах здешних купцов драгоценные товары, а в сундуках менял звонкие монеты. Будет, как и раньше, богатеть и цвести под милостивым солнцем Богохранимый Сарай.

А ханский двор? Кому от него большой прирток? Разве что пронырливым поверенным властителя — уртакчи, что обделывают свои дела с ханским имуществом. Эмиры и вельможи ведь по лавкам и базарам не ходят, а слуги их по большей части живут на всем готовом. Деньгами не богаты. Те еще покупатели.

І. ИСЧЕЗНУВШИЙ ПОПУТЧИК

С другой стороны, кто теперь будет брать драгоценные заморские ткани и благовония для своих жен, самоцветы и украшения, изысканные пряности и чудодейственные снадобья? Купцы прижимисты и практичны. Роскоши и блеску предпочитают надежность и дешевизну. Самый дорогой товар всегда предназначался эмирам и вельможам. Многие, не самые последние, торговцы в Сарае только этим и жили.

Как ни крути, кое-кому пришлось перебираться вслед хану к новому дворцу. Такие и грузились на последние корабли на Булгарской пристани. До октября уже рукой подать, нужно спешить.

Корабль, который должен был отчалить ранним утром в первый день 734 года, тяжело покачивался на мутной осенней воде. Скрипели уключины по бортам. Хороший корабль, быстрый, как рыба. На каждом весле по два гребца. Такой как птица полетит вверх по течению. Если бы отчалили, как и собирались, на рассвете, уже давно скрылись бы из вида на речном просторе. Команда и путники заранее поднялись на борт. Побережник, ведавший прибытием и отплытием, дал разрешение. Стражники встали у сходней, чтобы никто лишний не прошел туда или сюда.

Корабль не отчаливал. Не было одного из путников, оплатившего дорогое место в кормовой каюте и загодя погрузившего туда вещи.

Побережник пил с кормщиком чай в закутке. Стражники угрюмо жались у самого причала, прячась от дождя под дырявым навесом. Несколько провожающих, кутаясь в плащи, переговаривались с одним из отплывающих, уже стоявшим на носу корабля.

Плащи скрывали одежду и головные уборы, но по повадке можно было догадаться, что один из них — важная

птица. Немолодой уже, хотя быстрый и крепкий, с щегольски подстриженной русой бородой. Рядом с ним стояли сухой старичок, еще бодро обходившийся без посоха, и молчаливый юноша, не обзаведшийся пока даже усами.

Корабль был крепко притянут к причалу, и человек на палубе мог, облокотившись о борт, почти дотянуться до своих собеседников. Возраст мужчины было трудно угадать. Бритый подбородок молодил его по-юношески румяное лицо, но висячие на кипчакский манер усы уже тронула седина. Крепко тронула. Наверное, если бы он не сбрил бороду, она была бы совсем седой. Плащ человек оставил в каюте, потому что от дождя его худо-бедно скрывал плетеный из лыка навес над носом корабля. В руках он держал небольшой холщовый мешок, из которого время от времени доставал со скучающим видом шарики сушеного творога, который кипчаки любили брать в дорогу.

Отплытия ждали давно, с самого рассвета. Уже наговорились и устали.

— Ты так весь запас съешь, — пошутил старичок, — в дорогу ничего не останется.

— Ничего, — улыбнулся стоявший рядом с ним русобородый, — скоро уже доберется до болгарских краев. Там курт не чета здешнему. Красный, из топленого молока. В Сарае такой не делают — дрова дороги. — Он повернулся к юноше. — Верно, Илгизар?

Тот молча пожал плечами. За него ответил человек на корабле:

— У нас в Мохши такой не делают. Наши любят ряженку из топленого молока. Это в Булгаре любят красный творог.

Он стоял спиной к реке, по которой лежал его путь туда, в сторону Булгара, в сторону Мохши, но чувствова-

---

І. ИСЧЕЗНУВШИЙ ПОПУТЧИК

лось, что мысли путника обращены к Сараяу, который он покидал. Он грустно смотрел туда, где за пеленой дождя проглядывал серый минарет мечети в Булгарском квартале, но взгляд его был таким же туманным, как вид расплывающегося вдаль города. Так смотрят люди, которые вспоминают о чем-то давным-давно минувшем.

Это лучше всех почувствовал старичок.

— В Мохши будет то же самое, Туртас. Ты не найдешь там ни того, что было, ни тех, кто были. Может, не стоит ехать?

Отъезжающий промолчал. Либо не знал ответа на этот вопрос, либо ответ был слишком печальным и очевидным.

— Для того, кому некуда плыть, никакой ветер не будет попутным, — сказал Туртас после долгого молчания.

Всем стало еще грустнее. Наверное, оттого, что само хмурое утро располагало к этому. Мертвая тишина на пристани, мутный призрак огромного города за пеленой дождя, темная, словно уходящая в никуда, дорога-река.

Оцепенение стряхнул русобородый. Было видно, что он человек действия.

— Долгие проводы — долгие слезы. Эй, ты! — повелительно окрикнул он стражника. — Покличь-ка сюда побережника с корабельщиком!

При этих словах русобородый будто ненароком приоткрыл полу плаща, из-под которой мелькнул золоченый шелковый пояс. Можно было этого не делать. Стражник и так превосходно знал, что перед ним наиб самого эмира Сарая, что на груди его под плащом красуется золоченая пайца с надписью «Кто не повинуется — умрет» и что на берегу, за пристанскими конторами, наиба ожидает конная стража из ханских гвардейцев.

Охранник не смог отказать себе в удовольствии зарать дурным голосом:

— Побережника и корабельщика к наибу светлейшего эмира!

Перепуганный насмерть смотритель пристани только сейчас разглядел, кто, закрывшись плащом, провожает корабль. Давясь недожеванным куском, он, низко кланясь, торопливо докладывал на бегу:

— Путник занял каюту на корме. Навесил свой замок с печатью. Самого нет. Так бы давно вещи сгрузили и отправили. А замок с печатью ломать — дело хлопотное.

Наиб кивнул. Нежелание связываться с запертой каютой ему было понятно. Не будь замка, вещи уже давно сложили бы в мешки, опечатали и положили в контору на пристани. А так нужно проводить еще и осмотр каюты со свидетелями и описью. Действительно, проще подождать.

— Много товара везет? — спросил он корабельщика.

— Да нет, один сундук дорожный.

— А чего отдельную каюту занял? Слуги?

— Один.

— Кто такой?

— Назвался Иовом. Из Новгорода.

При этих словах наиб оживился:

— Сказал, где в Сарая остановился?

Корабельщик растерянно развел руками:

— Пришел позавчера, заказал отдельную каюту до Нового Сарая. Заплатил вперед, не торгуясь. Сразу приволокли сундук, навесили замок. А к отплытию не пришел.

Наиб решительно двинулся по мосткам.

І. ИСЧЕЗНУВШИЙ ПОПУТЧИК

— Ломайте! — Он повернулся к юноше. — Илгизар, возьми у них бумагу и чернильницу. Напиши все, что надо. Я свою печать приложу, чтобы разговора не было.

С замком вышла заминка. Дорогой и мудреный. С пружиной внутри.

— Такие обычно болгарцы делают. Просто так не собьешь — пилить надо.

Пилить не стали, оторвали скобу вместе с замком. Корабельщик только молча повздыхал.

Вещей действительно оказалось немного. Только дорожный сундук, как и было сказано. Да еще в углу что-то вроде короба, накрытое холстом.

— Голуби! — удивленно воскликнул наиб, сняв покрывало.

Просунувшийся из-за его спины сквозь узкую дверь Туртас подтвердил:

— Самые лучшие, египетские. В наших краях таких не достать.

— Почтовые, значит? — Наиб строго взглянул на побережника. — А говорил, только сундук?

Тот смутился:

— Так ведь не купец, простой путник. Товара нет. Пошлину брать не с чего. Теперь вот сам ума не приложу, чего с ними делать. Сундук под замок положу, а птиц? Их ведь кормить-поить нужно. А подохнут?

Все молча смотрели на клетку.

— Давай я за ними присмотрю, — неожиданно подал голос Туртас. — Птички хорошие, дорогие, за ними особый уход нужен. А им, гляжу, хозяин даже воды налил еле-еле. Только семечек насыпал.

Наиб заметно повеселел. Ему явно было по душе, что Туртас остается. Он махнул стражникам, чтобы сгружали сундук, и сам взял тяжелую клетку с голубями.

— Все забираю. Если кто спросит о вещах — посылайте ко мне.

Туртасу собирать было совсем нечего. Вещей — один дорожный мешок. Он перекинул его на причал и забрал клетку у наиба. Вздохнув облегченно, тот махнул корабельщику:

— Отваливай!

Стражники, обрадованные, что наконец закончилось торчание под дождем, весело схватили сундук и устремились вслед за наибом. Сзади плелся побережник. Когда уже поднялись от причала на берег, наиб недоуменно обернулся.

— Чего они не отчаливают?

Действительно. На корабле даже не убрали сходни.

— Ему бы поторопиться, сколько времени потерял, а он медлит.

Когда подошли к воротам пристани, где наиб дождалась конная стража, он обратился к юноше:

— Сбегай, Илгизар, глянь еще раз, чего они медлят? Только глаза им не мозоль.

Тот понимающе кивнул и побежал назад.

— Не нравится мне все это... — буркнул под нос наиб. — Что это за Иов Новгородец? Если он русский, то должен был в русском квартале объявиться. А у нас там о нем никто не слышал.

Наиб и сам был русским, из поповских детей. Не пожелав идти по стопам отца, смолodu подался на ханскую службу, в писцы. За долгие годы монгольский халат и шапочка стали для него привычнее рубахи. Жил по-прежнему в русском квартале, в доме отца. Так уж повелось. Мусульмане в Сарае селились больше по месту, откуда приехали: болгары с булгарами, хорезмийцы с хорезмийцами. Персы отдельно. Арабы отгородились в

І. ИСЧЕЗНУВШИЙ ПОПУТЧИК

своим квартале. Православные селились своим приходом. Там у них были церковь, монастырь, палаты епископа. Квартал назывался русским. Принял черкес или буртас православие — перебирается сюда. И тоже русским считается.

Наиб не перешел по примеру многих в мусульмане после того, как хан Узбек тринадцать лет назад объявил себя султаном Мухаммедом, защитником ислама. Службе это не мешало. Хотя мусульмане в последнее время все больше забирали силу.

Вернулся Илгизар.

— Там еще один человек с корабля сошел. Передумал плыть.

Наиб почесал затылок:

— По всему видать, попутчик этого самого Иова. Соглядатай. Ты вот что, Илгизар: проследи потихоньку за этим человеком. Куда он подается, кто такой.

— Думаю, парень этот не так прост, коли за кем-то следил, — неожиданно подал голос старичок, — и Илгизара он сразу заметит. Давай-ка лучше я за ним похожу. Мой ведь хлеб такой — с места на место слоняться. Все меня знают, никто не замечает. В любое место могу зайти — кто подумает что дурное на сказочника Бахрама?

— Вот и хорошо, — согласился наиб, — тогда приходи вечером ко мне в ханский дворец. А ты, Туртас, где пока поселишься? С птичками?

— Да вот у Бахрама и поселюсь. За городом. Место привольное.

II. Похищенный джиннами

Старый Бахрам не соврал. Не было в Сарае Богохранимом другого человека, который бы так привычно и незаметно слился с этим городом. Даже старики уже не помнили, когда и откуда появился этот невысокий, немного сутулый сказочник с умными, всегда улыбающимися глазами. Говорили, что он перс и приплыл из-за моря еще лет сорок назад, когда в царстве ильхана Аргуна стали бить евреев и христиан. Тогда много народа бежало из тех краев в Улус Джучи, где мудрая Яса Чингисхана давала защиту и покровительство человеку любой веры. Тем более что религиозные распри случались там снова и снова.

Беглецов было столько, что персидская речь уже звучала на сарайских базарах едва ли не чаще кипчакской. Визирь даже велел время от времени чеканить медную монету с персидской надписью. Во многом благодаря этим умным, оборотистым, предприимчивым людям и стал Сарай одним из величайших и прекраснейших городов мира, которому дивились путешественники. Хотя много разного народа и кроме них забрело сюда за

II. ПОХИЩЕННЫЙ ДЖИННАМИ

последние годы по древним караванным тропам из Хорезма, из портов на Черном море, приплыло по великой реке с севера из Булгара и Руси.

Теперь Сарай аль-Махруса протянулся вдоль реки на целый день пути, и затеряться в нем было легче легкого. Вот и сейчас старый Бахрам растаял в пелене дождя незаметно и бесшумно, как тень птицы. Наиб даже не заметил, когда тот исчез. Он смотрел вслед Туртасу и Илгизару, которые не спеша уходили по дороге, обсаженной мокрыми от дождя акациями, придерживая с двух сторон злополучную клетку с голубями. Им было по пути. Хижина Бахрама, куда держал путь Туртас, стояла за городом, в укромном и красивом местечке на берегу реки. А Илгизар жил в доме братства водовозов, что на Черной улице. Совсем немного не доходя до заставы на выезде из Сарая.

Юноша несколько лет вкушал мед мудрости в местном медресе, воздвигнутом по повелению благочестивого хана Узбека после того, как он стал именовать себя султаном Мухаммедом, защитником веры. Этим летом усердного до книг и знания шакирда¹ заметил Бурангул, староста одного из городских братств водовозов, и позвал учить своих подопечных чтению и письму. Занятие не обременительное, ибо парни, усердно трудившиеся от зари до зари, могли себе это позволить только раз в неделю. Кроме того, Илгизар по пятницам читал намаз в их домашней мечети и произносил проповедь. Это давало крышу над головой и стол. Времени оставалось много, и юноша потихоньку пробовал подрабатывать ремеслом переписчика на буртасском базаре. Правда, заказчиков

---

¹ *Шакирд* — студент мусульманского учебного заведения. (Прим. ред.)